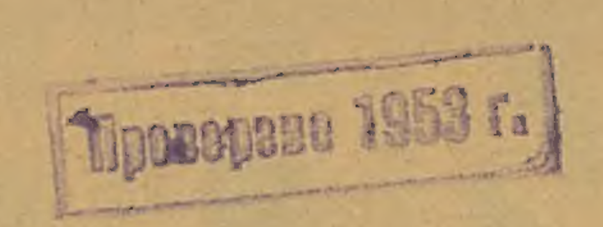
КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 2

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1912.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ, В. Я. Чемберсомъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ, по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1. Жилье восточныхъ славянъ **С. В. Иванова.**
2. Торговля у восточныхъ славянъ **С. В. Иванова.**
3. Варяги **В. М. Васнецова.**
4. Христіанство и язычество **С. И. Иванова.**
5. Судъ во время Русской Правды **И. Я. Билибина.**
6. Вѣче **А. М. Васнецова.**
7. Съѣздъ князей **С. В. Иванова.**

II. Суздальская Русь.

8. Новгородскій торгъ **А. М. Васнецова.**
9. Баскаки **С. И. Иванова.**
10. Дворъ удѣльнаго князя **А. М. Васнецова.**

III. Московская Русь.

11. Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси **С. В. Иванова.**
12. Святѣйшій патріархъ **С. В. Иванова.**
13. Боярская дума **С. В. Иванова.**
14. Земскій Соборъ **С. В. Иванова.**
15. Въ приказѣ Московскихъ временъ **С. В. Иванова.**
16. Судъ въ Московскомъ государствѣ **С. В. Иванова.**
17. Воевода **С. В. Иванова.**
18. Смотръ служилыхъ людей **С. В. Иванова.**
19. На сторожевой границѣ Московскаго государства **С. В. Иванова.**
20. Стрѣльцы **С. В. Иванова.**
21. Юрьевъ день **С. В. Иванова.**
22. Площадь въ городѣ Московскаго времени **А. М. Васнецова.**
23. Монастырь въ Московской Руси **А. М. Васнецова.**
24. Школа въ Московской Руси **Б. М. Кустодіева.**
25. Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ **А. М. Васнецова.**
26. Въ смутное время **С. В. Иванова.**
27. Во времена раскола **С. В. Иванова.**

IV. Всероссійская Русь.

28. Въ нѣмецкой слободѣ **А. Н. Бенуа.**
29. Солдаты Петра Великаго **Д. Н. Кардовскаго.**
30. Флотъ Петра Великаго **Е. Е. Лансере.**
31. Засѣданіе Сената Петровскаго времени **Д. Н. Кардовскаго.**
32. Петербургъ при Петрѣ Великомъ **А. Н. Бенуа.**
33. Смотръ новиковъ **Д. Н. Кардовскаго.**
34. Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ **А. Н. Бенуа.**
35. Петръ Великій **В. А. Сѣрова.**
36. Императрица Анна и ея дворъ **Д. Н. Кардовскаго.**
37. Цесаревна Елисавета у Преображенскихъ казармъ 25 ноября 1741 г. **Е. Е. Лансере.**
38. Выходъ императрицы Екатерины II **А. Н. Бенуа.**
39. Въ лагерѣ Екатерининск. солдатъ **А. Н. Бенуа.**
40. Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена **В. Я. Чемберса.**
41. Утро помѣщика конца XVIII, нач. XIX вв. **А. Н. Бенуа.**
42. Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ **А. Н. Бенуа.**
43. Въ разоренной Москвѣ (1812 г.) **Д. Н. Кардовскаго.**
44. Въ военномъ поселеніи **М. В. Добужинскаго.**
45. Оборона Севастополя **Д. Н. Кардовскаго.**
46. Ученіе солдатъ въ Николаевское время **М. В. Добужинскаго.**
47. Городъ въ Николаевскія времена **М. В. Добужинскаго.**
48. Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ **Д. Н. Кардовскаго.**
49. Люди 40-хъ годовъ **М. В. Добужинскаго.**
50. Освобожденіе крестьянъ **Б. М. Кустодіева.**

ДОПОЛНЕНІЕ I. На зарѣ исторіи **Н. К. Рериха.**

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

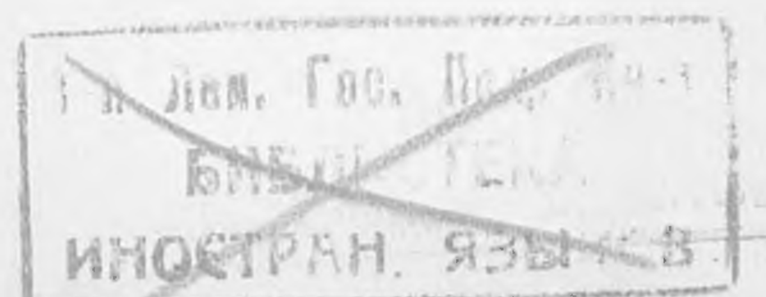
Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 2.

С. В. Ивановъ. Торгъ въ странѣ восточныхъ славянъ.

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1912.

Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ
Москва, Трехпрудный пер.
1912.

Торгъ въ странѣ восточныхъ славянъ.

На картинѣ изображена сцена торга, въ странѣ восточныхъ славянъ, въ мѣстности гдѣ-нибудь поближе къ владѣніямъ хазаръ, какъ эту сцену можно себѣ представить по археологическимъ даннымъ и письменнымъ свидѣтельствамъ. На заднемъ планѣ виденъ городокъ—хазарскій или славянскій, построенный на высокомъ берегу рѣки, по волнамъ которой и прибывали свои, славянскіе и иноземные гости. Эти иноземные гости изображены въ лѣвой части картины. Первымъ сидитъ, поджавъ по-восточному обыкновенію ноги, арабскій купецъ въ своей бѣлой хламидѣ, привезшій на продажу оружіе и украшенія—бусы голубыя и зеленыя, приготовленныя изъ особой композиціи или изъ стекла и почему-то особенно нравившіяся славянамъ, мужчинамъ и женщинамъ, какъ украшеніе. Въ славянскихъ могилахъ эти бусы—частая находка. Рядомъ съ арабомъ мы видимъ еврейскаго купца изъ Хазаріи, или съ того же арабскаго востока, какъ и его сосѣдъ, вмѣстѣ съ которымъ, подъ охраной хорошо вооруженныхъ латниковъ, оба купца, можетъ - быть и прибыли послѣ долгихъ, обильныхъ всякими приключеніями и опасностями странствованій въ страну славянъ. Дальше сидятъ восточные купцы изъ средней Азіи, вслѣдъ за арабами и вмѣстѣ съ ними хорошо узнавшіе по Каспію и Волгѣ путь въ страну хазаръ, болгаръ и славянъ. Около нихъ примостились уже какіе-то покупатели изъ обитателей степи, судя по ихъ колпакамъ. Можетъ быть, благодаря племенному родству, они съ большимъ или меньшимъ трудомъ, но все же непосредственно, объясняются съ заѣзжими азіатами.

Болѣе на заднемъ планѣ, за еврейскимъ купцомъ, выдается червленый носъ варяжской ладьи, только что причалившей къ торгу.

Закованный въ желѣзо, накинувъ на плечо багряное корзно, владѣлецъ ладьи, викингъ, прибывшій изъ далекой Скандинавіи, готовится сойти на землю, опытнымъ взглядомъ окидывая развернувшуюся передъ нимъ картину, чтобы сразу рѣшить: быть ли ему здѣсь купцомъ, или, положившись на свой булатный мечъ и вѣрную дружину, нагрянуть съ боевымъ кличемъ и овладѣть силой всѣмъ привезеннымъ сюда богатствомъ.

Въ правой части картины изображены тѣ, торговать съ которыми пріѣхали далекіе иноземцы. Это подданные хазаръ—славяне съ верхней Оки и съ сѣверныхъ лѣвыхъ притоковъ Днѣпра, и ихъ сосѣди по разселенію, представители финскихъ племенъ — чуди бѣлоглазой. Они принесли на обмѣнъ и на продажу шкуры дикихъ звѣрей, мѣха, корчаги смолы и дегтю, медъ, воскъ—все плоды и трофеи своего тяжелаго лѣсного труда. Привели напродажу и плѣннаго, надѣвъ на него колодку и связавъ несчастнаго, чтобы онъ не убѣжалъ—это дорогой товаръ, за славянскаго раба, крѣпкаго и выносливаго, неприхотливаго, арабскій купецъ дастъ злата, хазарскій еврей не пожалѣетъ той яркой пурпуровой ткани, которой онъ такъ заманчиво слѣпитъ глаза наивнымъ обитателямъ лѣсовъ, и видомъ не видавшихъ никогда такой блистательной, яркой роскоши въ своихъ дремучихъ лѣсныхъ углахъ.

За толпой иноземныхъ гостей и славянъ видны мачты судовъ и ладей, на которыхъ прибыли тѣ и другіе къ торговому городку. Но не всѣ пришли сюда водой! Изъ толпы выдается неуклюжая голова верблюда—кто-то изъ азіатскихъ торговцевъ предпочелъ, повидимому, морскому и водному пути, можетъ-быть, еще болѣе невѣрный путь—сухой, и пробирался сюда черезъ пески средней Азіи, по степямъ сѣвернѣе Каспія. Это его дѣло: мы не можемъ сказать, почему верблюдъ показался ему надежнѣе лодки.

Судьба судила славянамъ основаться на прочное житье въ странахъ, въ которыя или черезъ которыя прошли проторенные торговые пути. Славянская земля—Приднѣпровье по преимуществу — издавна была страной по торговому пути съ юга на сѣверъ и перепутьемъ между западомъ и востокомъ въ ихъ торговомъ обмѣнѣ. Задолго до того времени, когда племена вос-

точныхъ славянъ жили по Днѣпру и его притокамъ, гдѣ ихъ обозначаетъ лѣтописное преданіе, путь сюда знали народы древняго міра, греко-восточной поры его развитія. Сюда пробирались еще финикійскіе купцы. Древніе греки основали въ торговыхъ цѣляхъ рядъ колоній по сѣверному берегу Чернаго моря и по Днѣпру, Днѣстру, Бугу и Дону глубоко забирались въ страну, которая потомъ стала славянской. Многочисленные находки греческой посуды, ювелирныхъ издѣлій и монетъ въ области средняго Поднѣпровья даютъ живыя свидѣтельства древности торговаго движенія по Днѣпру.

Въ черноморскихъ степяхъ южные рѣчные пути съ юга на сѣверъ близко соприкасаются съ рѣчными же путями съ запада на востокъ, тамъ гдѣ сближаются системы притоковъ Днѣпра и Дона, а черезъ Донъ и Волги. Посредниками тутъ служили, начиная со скиѳовъ, всѣ иранскія и тюркскія племена, смѣнявшія одно другое во владѣніи степью. Много раньше VI вѣка, когда начинаютъ появляться первыя письменныя и нумизматическія свидѣтельства о существованіи торговаго обмѣна между Западомъ и Востокомъ черезъ черноморскія степи, пути этого обмѣна являются хорошо проторенными. Находки цѣлыми кладами въ сотни монетъ римскихъ «сребренниковъ» конца I, II и III вв. по всей территоріи, населенной славянами, свидѣтельствуютъ объ оживленномъ торговомъ движеніи съ Запада.

Когда славянскія племена прочно осѣли въ Поднѣпровьи, они стали дѣятельными участниками въ этомъ издавна установившемся торговомъ движеніи. Сначала славяне были только поставщиками того товара, за которымъ пріѣзжали иноземные гости, а потомъ и сами стали возить свой товаръ на иноземные рынки.

Благодаря этому славяне вошли дѣятельной силой въ круговоротъ торговой жизни тогдашнихъ народовъ и хорошо вызнали пути и направленія, по которымъ и въ которыхъ видимымъ образомъ шла торговая жизнь тѣхъ временъ. Все это дѣлало славянъ, несмотря на отдаленность ихъ страны отъ культурныхъ центровъ тогдашней жизни, дѣятельными участниками и замѣтной величиной въ бытѣ тогдашняго европейскаго и азіатскаго человѣчества.

Наша начальная лѣтопись сохранила живое и отчетливое воспоминаніе о той роли, какую пришлось играть славянству въ круговоротѣ тогдашней жизни. И любопытно, что это воспоминаніе говоритъ именно о путяхъ, которые связываютъ страну славянъ съ окружнымъ міромъ. Помѣщая свое описаніе въ началѣ повѣствованія о славянахъ, лѣтопись точно торопится подчеркнуть общеніе славянской земли и народа съ землями и народами всего извѣстнаго тогда міра.

«Бѣ путь изъ Варягъ (шведское побережье Балтійскаго моря) въ греки и изъ грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ (перетаскивали суда по суху) до Ловати и по Ловати внити въ Ильмень озеро великое, изъ него же потечеть Волховъ и втечеть въ озеро великое Нево (Ладожское), и того озеро устье (рѣка Нева) внидеть въ море Варяжское (Балтійское море), и по тому морю итти до Рима (т.-е. до странъ Западной Европы), а отъ Рима прійти по морю же ко Царю-городу, а отъ Царя-города прійти въ Понтъ море (въ Черное море), въ него же втечеть Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Оковьскаго лѣса и потечеть на полъдне, а Двина истого же лѣса потечеть, а идеть на полунощье и внидеть въ море Варяжское; изъ того же лѣса потече Волга на востокъ и втечеть семьюдесятью жерелъ (устій) въ море Хвалисское (Каспійское). Тѣмъ же изъ Руси можно итти по Волзѣ въ Болгары (Прикамскій край), и въ Хвалиссы (Закаспійскія страны), и далѣе на востокъ доити въ жребій Симовъ (арабы), а по Двинѣ въ Варяги (Швеція и Прибалтійскія страны), изъ Варягъ до Рима, отъ Рима же и до племени Хамова (сѣверъ Африки)».

Такъ подробно и точно зналъ древній русскій лѣтописецъ направленія путей въ тѣ отдаленныя страны, которыя онъ называетъ. Не одинъ вѣкъ долженъ былъ уйти на то, чтобы вызвать эти направленія отъ области средняго Днѣпра.

«Этотъ Днѣпръ съ притоками,—говоритъ проф. В. О. Ключевскій,—и сдѣлался для восточныхъ славянъ могучей питательной артеріей народнаго хозяйства, втянувъ ихъ въ сложное торговое движеніе, которое шло тогда въ юго-восточномъ углу Европы. Своимъ низовымъ теченіемъ и лѣвыми притоками Днѣпръ потянулъ

славянскихъ поселенцевъ къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Это торговое движеніе вызвало разработку естественныхъ богатствъ занятой поселенцами страны.

Восточные славяне, заняли преимущественно лѣсную полосу равнины. Эта лѣсная полоса своимъ пушнымъ богатствомъ и лѣснымъ пчеловодствомъ (бортничествомъ) и доставляла славянамъ обильный матерьялъ для внѣшней торговли. Съ тѣхъ поръ мѣха, медъ, воскъ стали главными статьями русскаго вывоза; съ тѣхъ поръ при хлѣбопашествѣ для себя или съ незначительнымъ вывозомъ и началась усиленная эксплоатація лѣса, продолжавшаяся цѣлые вѣка и положившая глубокій отпечатокъ на хозяйственный и общественный бытъ и даже національный характеръ русскаго народа. Лѣсной звѣроловъ и бортникъ — самый раннiй типъ, явственно обозначившійся въ исторіи русскаго народнаго хозяйства», «Одно внѣшнее обстоятельство особенно содѣйствовало успѣхамъ славянской торговли. Съ конца VII в. по южно-русскимъ степямъ стала распространяться новая азіатская орда, хазары. Это было кочевое племя тюркскаго происхожденія; но оно не было похоже на предшествовавшія ему и слѣдовавшія за нимъ азіатскія орды, преемственно государствовавшія въ южно-русскихъ степяхъ. Хазары скоро стали покидать кочевой бытъ и обращаться къ мирнымъ промысламъ. Въ VIII в. среди нихъ водворились изъ Закавказья промышленные евреи и арабы. Еврейское вліяніе здѣсь было такъ сильно, что династія хазарскихъ кагановъ со своимъ дворомъ. т.-е. высшимъ классомъ хазарскаго общества, приняла іудейство. Раскинувшись на привольныхъ степяхъ по берегамъ Волги и Дона, хазары основали средоточіе своего государства на низовьяхъ Волги. Здѣсь столица ихъ Итиль скоро стала огромнымъ торжищемъ, гдѣ жили магометане, евреи, христіане и язычники. Хазары покорили племена восточныхъ славянъ, жившія близко къ степямъ, — сѣверянъ, вятпчей. Но хазарское иго доставляло покореннымъ большія экономическія выгоды. Съ тѣхъ поръ для нихъ, какъ данниковъ хазаръ, были открыты степныя рѣчныя дороги, которыя вели къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Подъ покровительствомъ хазаръ по этимъ рѣкамъ пошла бойкая торговля изъ

Поднѣпровья. Мы встрѣчаемъ рядъ указаній на успѣхъ этой торговли. Арабскій писатель Хордадбе, современникъ Рюрика и Аскольда, писавшій не позже 870-хъ годовъ, замѣчаетъ, что русскіе купцы возятъ товары изъ отдаленныхъ краевъ своей страны къ Черному морю въ греческіе города, гдѣ византійскій императоръ беретъ съ нихъ десятину (торговую пошлину), что тѣ же купцы плаваютъ по Волгѣ, спускаются къ хазарской столицѣ, гдѣ властитель хазарскій беретъ съ нихъ также десятину, выходятъ въ Каспійское море, проникаютъ на юго-восточные берега и даже провозятъ свои товары на верблюдахъ до Багдада. Сколько поколѣній нужно было, чтобы проложить такіе далекіе и разносторонніе торговые пути съ береговъ Днѣпра и Волхова! Восточная торговля Поднѣпровья, какъ ее описываетъ Хордадбе, могла завязаться, по крайней мѣрѣ, лѣтъ за сто до этого арабскаго географа. Впрочемъ, есть и прямое указаніе на время, когда завязалась и развилась эта торговля. Въ области Днѣпра найдено множество кладовъ съ древними арабскими монетами, серебряными диргемами. Большая часть ихъ относится къ IX и X вв., ко времени наибольшаго развитія восточной торговли Руси. Но есть клады, въ которыхъ самыя позднѣйшія монеты не позже начала IX вѣка, а раннія восходятъ къ началу VIII вѣка; изрѣдка попадаются монеты VII вѣка и то лишь самыхъ послѣднихъ его лѣтъ. Эта нумизматическая лѣтопись наглядно показываетъ, что именно въ VIII в. завязалась торговля славянъ днѣпровскихъ съ хазарскимъ и арабскимъ Востокомъ. Но этотъ вѣкъ былъ временемъ утвержденія хазаръ въ южнорусскихъ степяхъ; ясно, что хазары и были торговыми посредниками между этимъ Востокомъ и русскими славянами. Слѣдствіемъ успѣховъ восточной торговли славянъ было возникновеніе древнѣйшихъ торговыхъ городовъ на Руси. Повѣсть о началѣ Русской земли не помнитъ, когда возникли эти города: Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Любечъ, Новгородъ и др. Въ ту минуту, съ которой она начинаетъ свой разсказъ о Руси, они являются уже значительными поселеніями. Но довольно бѣглаго взгляда на географическое размѣщеніе этихъ городовъ, чтобы видѣть, что они были созданы успѣхами внѣшней торговли Руси: большинство ихъ вытя-

нулось длинной цѣпью по главной рѣчной дорогѣ Днѣпра—Волхова... Восточные славяне разселились по Днѣпру и его притокамъ разбросанными одинокими дворами. Съ развитіемъ торговли возникали среди этихъ дворовъ сборные пункты, мѣста промышленнаго обмѣна, куда сходились звѣроловы и бортники для торговли, для «гостьбы», какъ говорили въ старину. Такіе сборные пункты получили названіе «погостовъ». Мелкіе сельскіе рынки тянулись къ болѣе крупнымъ, возникавшимъ на особенно бойкихъ торговыхъ путяхъ. Изъ этихъ крупныхъ рынковъ, служившихъ посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли наши древнѣйшіе города по Днѣпру и его притокамъ. Города эти служили торговыми центрами и главными складочными пунктами для образовавшихся вокругъ нихъ промышленныхъ округовъ». (В. О. Ключевскій, «Краткое пособіе по русской исторіи», стр. 20—22).

До насъ дошло живое описаніе самаго круговорота торговой дѣятельности первоначальныхъ русскихъ городовъ, принадлежащее перу византійскаго императора Константина Багрянороднаго. Въ 9-ой главѣ своего сочиненія «Объ управленіи государствомъ», написаннаго около половины X вѣка, Константинъ разсказываетъ, что «люди, прибывающіе въ Константинополь изъ внѣшней Руси (т.-е. изъ странъ, лежащихъ за Кіевомъ) идутъ частью изъ Новгорода... частью изъ города Смоленска, изъ Любеча, Чернигова и Вышегорода. Всѣ они плывутъ внизъ по Днѣпру и сходятся у города Кіева, называемаго также Самватосъ. Славяне же, платящіе дань Руси, такъ-называемые кривичи, лучане и другіе, рубятъ у себя въ горахъ древесные стволы въ зимнее время, обтесываютъ ихъ, и весною, какъ только ледъ растаетъ, свозятъ въ ближайшія озера. Спустивши суда въ Днѣпръ, они отправляются внизъ по рѣкѣ и плывутъ къ Кіеву. Здѣсь они вытаскиваютъ ладьи на берегъ и продаютъ ихъ руссамъ. Послѣдніе покупаютъ только самыя суда, которыя сами снабжаютъ веслами, скамьями для гребцовъ и прочими снастями отъ старыхъ ладей. Въ іюнѣ мѣсяцѣ они (руссы) пускаются въ плаваніе по Днѣпру и плывутъ до Витичева—города, находящагося подъ властью руссовъ. Здѣсь они собн-

раются въ теченіе двухъ или трехъ дней; когда же соберутся всѣ ладьи, они отправляются далѣе и плывутъ внизъ по Днѣпру. И сперва они приплываютъ къ первому порогу, называемому Есупи, что значитъ по-русски и по-славянски «не спи». Хоть этотъ порогъ настолько узокъ, что имѣетъ только ширину цыканистеріона (одного зданія въ Византіи), но посреди его возвышаются крутыя, высокія скалы, имѣющія видъ островковъ. Когда волны приливаютъ къ нимъ, то высоко поднимаются и низвергаются (со скалъ) внизъ съ сильнымъ ревомъ. Поэтому руссы не рѣшаются плыть прямо между скалами, но, остановившись вблизи ихъ, высаживаютъ людей, оставляя все на ладьяхъ. Раздѣвшись, они идутъ въ воду, ощупывая ногами дно, чтобы не наткнуться на какой-нибудь камень, при чемъ одни двигаютъ впередъ шестами носъ, другіе среднюю часть, третьи корму судовъ. Такъ они минуютъ со всевозможною осторожностью этотъ первый порогъ, обходя его уголъ и держась около берега рѣки. Прошедши этотъ порогъ, они снова забираютъ остальныхъ (высаженныхъ) съ берега и плывутъ далѣе ко второму порогу, называемому по-русски Ульворси, по-славянски Островунипрахъ, что значитъ «островъ порога». Онъ также опасенъ и труденъ для проѣзда, какъ и первый; и они опять высаживаютъ людей, и тащатъ ладьи, какъ и въ первый разъ. Такимъ образомъ подходятъ они къ третьему порогу, по имени Геланери, что значитъ по-славянски «шумъ порога». Затѣмъ они подходятъ къ четвертому, большому порогу, называемому по-русски Айфоръ, по-славянски Неаситъ... У этого порога всѣ суда останавливаются, люди, выбранные для того, чтобы стоять на стражѣ, выходятъ и отправляются на свои мѣста: эту стражу они отбываютъ очень внимательно по причинѣ близости печенѣговъ. Остальные вытаскиваютъ грузъ, имѣющійся въ ладьяхъ, выводятъ оттуда также скованныхъ невольниковъ и ведутъ ихъ по сушѣ на протяженіи 6000 шаговъ, пока не минуютъ порога. Такимъ же образомъ они или тащатъ за собою, или несутъ на плечахъ свои ладьи, пока не придутъ по ту сторону порога. Тамъ они спускаютъ опять ихъ въ воду, нагружаютъ снова свои мѣха и сами садятся въ ладьи. Достигнувъ пятаго порога, называемаго по-русски

Варуфоросъ, по-славянски Вульнипрахъ, потому что онъ образуетъ большой водоворотъ, они опять проводятъ суда, держась берега рѣки, какъ у перваго и второго пороговъ. Затѣмъ они приходятъ къ шестому, который называется по-русски Леанти, а по-славянски Верутци, т.-е. бурленіе воды. Подобнымъ же образомъ они минуютъ и его, и плывутъ отсюда къ седьмому порогу, называемому по-русски Струкунъ, по-славянски Напрези, что означаетъ «малый порогъ». И они прибываютъ къ такъ-называемому Крарійскому перевозу, у котораго херсониты переправляются изъ Руси, а печенѣги въ Херсонъ. Этотъ перевозъ имѣетъ ширину ипподрома, и высота берега, которую видитъ глазъ снизу такова, что пущенная оттуда стрѣла какъ разъ попадаетъ въ плывущихъ. Поэтому печенѣги приходятъ сюда и нападаютъ на руссовъ. Прошедши это мѣсто, они пристаютъ къ острову, называемому именемъ св. Григорія; на этомъ островѣ они совершаютъ свое жертвоприношеніе, такъ какъ на немъ стоитъ очень высокій дубъ. Они приносятъ въ жертву живыхъ пѣтуховъ. Они также втыкаютъ въ землю кругомъ стрѣлы, другіе кладутъ хлѣбъ и мясо и что каждый изъ нихъ вообще имѣетъ при себѣ, сообразно съ ихъ обычаемъ. О пѣтухахъ они бросаютъ жребій, рѣзать-ли и ѣсть ихъ, или оставить живыми. Прошедши этотъ островъ, руссы не боятся болѣе печенѣговъ, пока наконецъ они приплываютъ въ рѣку Селину».

Добравшись до Царьграда, славяно-русскіе купцы могли торговать тамъ шесть мѣсяцевъ. Останавливались славяно-русскіе купцы не въ самомъ городѣ, а въ одномъ изъ его предмѣстій «у святого Мамы» (монастырь св. Мамонта).

Во время своего пребыванія въ Царьградѣ славяно-русскіе купцы пользовались отъ греческаго правительства даровымъ кормомъ и даровой баней. Входить въ самый городъ для торговли славяно-руссы могли не иначе, какъ въ сопровожденіи греческаго пристава, безъ оружія и не менѣе 50 человѣкъ за разъ. Въ городѣ они продавали свои товары и покупали греческіе, не платя пошлинъ. По окончаніи торга греки должны были давать славяно-русскимъ купцамъ съѣстные припасы и нужныя корабельныя снасти для обратнаго

пути. Еле-еле къ октябрю попадали купцы обратно въ Кіевъ, а въ ноябрѣ имъ приходилось уже ѣхать по внутреннимъ торгамъ и торжкамъ, распродавая купленные лѣтомъ заморскіе товары, скупая для будущаго лѣтняго похода за море лѣсные продукты.

Такъ совершался въ тѣ отдаленныя времена круговоротъ торговой жизни у восточныхъ славянъ и руссовъ.

Описаніе Константина Багрянороднаго было составлено имъ въ ту пору, когда въ славянскихъ городахъ утвердились уже и княжили норманскіе, варяжскіе князья. Но еще полнаго слiянія варяговъ-руссовъ и славянъ не произошло. Константинъ очень опредѣленно различаетъ ладьи славянъ и руссовъ, а въ описаніи пороговъ не забываетъ привести русскія, т.-е. норманскія, и славянскія имена пороговъ.

Варяги тоже издавна появились на великомъ водномъ пути. По Невѣ, Ладогѣ, Волхову, Ловати и затѣмъ по Днѣпру большими и малыми ватагами пробирались они въ Византію, гдѣ нанимались на военную службу къ византійскому императору. По дорогѣ они могли подолгу засиживаться въ славянскихъ городахъ, то въ качествѣ гостей, то болѣе или менѣе временныхъ хозяевъ, когда имъ удавалось силой завладѣть тѣмъ или инымъ городомъ; но по большей части они заживались въ славянскихъ городахъ въ качествѣ наемниковъ, вооруженной стражи славянскихъ торговыхъ карavановъ и складовъ. Вмѣстѣ со славянами они стали участниками торговаго движенія и на востокъ, въ страну болгаръ и хазаръ.

Константинъ Багрянородный оставилъ намъ подробное описаніе торговаго пути и торговаго круговорота жизни славяно-руссовъ по великому водному пути изъ варягъ въ греки. Яркую картину славяно-русской торговли на востокѣ, по Волгѣ, даютъ арабскіе писатели. Они разсказываютъ, что въ страну болгаръ, т.-е. на среднюю Волгу, славяно-русскіе купцы приходили въ лодкахъ, цѣлыми дружинами; здѣсь они строили свои балаганы и раскладывали въ нихъ свои товары, ожидая покупателей. Въ числѣ этихъ товаровъ главное мѣсто занимали мѣха, которые цѣнились очень дорого у арабовъ и считались царскимъ украшеніемъ. Кажется,

весь торгъ у нихъ со славянами шелъ на мѣха; куньи мѣха шли со стороны славянъ вмѣсто монеты; слово «куны» долго, до татаръ, значило у насъ—деньги. Двѣ куньи шкурки равнялись $2^1/_2$ арабскимъ диргемамъ, потому что «чеканной монеты своей у нихъ нѣтъ,—замѣчаетъ арабъ-современникъ,—и звонкую монету замѣняютъ куньи мѣха». Особенно цѣнили арабы мѣхъ чернобурыхъ лисицъ, и когда татарское нашествіе прекратило всякую торговлю съ Русью, арабы отмѣтили съ сожалѣніемъ это прекращеніе отсутствіемъ привоза въ ихъ страну чернобурыхъ лисьихъ мѣховъ (1224 г.).

Продавали славяне дары своего лѣса: мѣха, кожи, медъ, смолу, а также и плоды военной удачи—рабовъ. Въ тѣ суровыя времена плѣнные всегда становились рабами своихъ побѣдителей.

Покупали славянскіе купцы у грековъ шелковыя ткани, золото, кружево, всякія лакомства, вина, мыло, губки; у хазаръ и арабовъ пріобрѣтали они бисеръ, драгоцѣнные камни, сафьянъ, сабли, ковры, пряности; съ Варяжскаго моря привозили они янтарь, бронзовыя и желѣзныя издѣлія, олово, свинецъ и особенно славившееся тогда сѣверное оружіе—мечи и топоры. Купленнымъ у однихъ они торговали съ другими, и такимъ путемъ число предметовъ ихъ торга было очень значительно.

При торговлѣ съ образованными народами славяне употребляли также иностранную монету—«арабчики», или греческую—«златницы». Впрочемъ, чаще всего мѣняли товаръ на товаръ. Съ дикими народами они вели исключительно мѣновую торговлю.

Заходя часто въ такія страны, языка которыхъ не знали, тогдашніе купцы все-таки ухитрялись и покупать и продавать, ведя такъ называемую «нѣмую» торговлю. Лѣтопись сохранила одно воспоминаніе о такой торговлѣ. «Есть горы около моря,—читаемъ тамъ,—высота ихъ до небесъ; въ горахъ тѣхъ живутъ люди, и языка ихъ нельзя понять: показываютъ рукой и помаваютъ рукой, прося желѣза; и если кто дастъ имъ ножъ или топоръ, даютъ въ обмѣнъ мѣха».

Одинъ арабскій писатель такъ разсказываетъ о торговлѣ приволжскихъ болгаръ съ дикими народами, населявшими лѣса къ сѣверу отъ средней Волги. «Болгары,—говоритъ онъ,—приносятъ

свои товары для продажи, и каждый, отмѣтивъ свой товаръ знакомъ, оставляетъ его на томъ мѣстѣ, куда приходятъ туземцы, а сами удаляются. Спустя немного времени, купцы приходятъ опять и находятъ на томъ мѣстѣ товаръ, какой продаютъ жители этой страны. Если купецъ доволенъ количествомъ и качествомъ положеннаго туземцами, то оставляетъ свой и беретъ то, что принесли туземцы; если же недоволенъ, то беретъ обратно свой товаръ». Также торговали съ дикарями, вѣроятно, и славянскіе купцы.

Славяно-русскіе и иноземные купцы въ цѣляхъ скупки нужныхъ имъ для вывоза товаровъ, бродили большими и малыми артелями по всей странѣ восточныхъ славянъ. Покупая и вымѣнивая то, что имъ было нужно, гости распространяли по всей странѣ и мѣстные и иноземные товары. Особенное распространеніе изъ иноземныхъ товаровъ, судя по археологическимъ находкамъ, имѣли разныя украшенія, особенно стеклянныя бусы и мелкія подѣлки изъ серебра. Но насущное значеніе для внутренней торговли имѣли, какъ можно думать, соль и металлы, «такъ какъ во всемъ остальномъ,—замѣчаетъ проф. М. Грушевскій,—главнѣйшія потребности народной жизни, удовлетворялись мѣстными продуктами и издѣліями. Соли не добывалось въ странѣ восточныхъ славянъ, и этотъ необходимый для человѣческаго существованія продуктъ, везли издалека—изъ Крыма, съ береговъ Балтики, изъ теперешней Галиціи. Извѣстія о доставкѣ соли въ кіевскіе края изъ Галиціи сохранились въ лѣтописной записи, относящейся, правда, къ концу XI в., когда въ Кіевѣ случился острый соляной голодъ: «не стало соли во всей Русской землѣ»,—шла война у кіевскаго князя съ галицкимъ, и торговымъ людямъ не стало пути изъ Галича и Перемышля къ Кіеву. Но несмотря на поздній характеръ этого извѣстія о ввозѣ соли въ страну славянъ изъ Галиціи, можно смѣло думать, что такъ дѣло обстояло и въ болѣе древнее время. Что касается металловъ, то славяне несомнѣнно умѣли добывать желѣзо изъ болотной руды, но его не хватало, и желѣзо приходилось тоже покупать на сторонѣ. Арабскій писатель Аль-Бекри утверждаетъ, что свинецъ и олово привезили въ

страну славянъ торговцы съ запада. Съ запада шла къ славянамъ и мѣдь. Другимъ источникомъ, снабжавшихъ славянъ металлами, могли быть Пермскія и Приуральскія страны, гдѣ находятъ слѣды очень древнихъ разработокъ тамошнихъ богатыхъ рудъ. Отсюда желѣзо и мѣдь попадали въ страну славянъ черезъ финновъ.

Торговымъ центромъ, какъ для внутренней, такъ и для внѣшней, заграничной торговли давно, можетъ быть, еще въ VIII в. обозначился въ странѣ славянъ Кіевъ, возникшій на южномъ исходѣ великаго воднаго пути по Днѣпру. Помѣстившись ниже устьевъ главныхъ притоковъ Днѣпра—Припети и Десны, Кіевъ естественно становился сборнымъ пунктомъ для всего, что двигалось по Днѣпровской системѣ рѣкъ. А эта система своими развѣтвленіями близко соприкасалась съ системами другихъ большихъ водныхъ путей. Припеть соединяла систему Днѣпра съ системой Буга и Вислы, Сеймъ—съ системой Дона, Десна—съ системой Оки, верховья самого Днѣпра близко подходятъ къ ворховьямъ Западной Двины, Волги и соприкасаются съ водными путями, ведущими въ озерную область.

Кіевъ же являлся перекресткомъ и сухопутныхъ путей. Черезъ Кіевъ шелъ путь изъ Волыни и «изъ Ляховъ», а также и болѣе южный изъ Чехіи и Венгріи — черезъ Галицію. Отъ Кіева шелъ путь на сѣверо-востокъ въ Курскую область, и на юго-востокъ къ Переяславлю Южному, откуда и получали свое направленіе три знаменитыхъ впослѣдствіи пути — «греческій», имѣвшій направленіе по Днѣпру въ византійскія владѣнія въ Тавридѣ, «западный», шедшій по Днѣпру внизъ и сворачивавшій гдѣ-то не выше Канева къ юго-востоку, и «соляной»—торная дорога въ Крымскіе солончаки за солью. Соль въ Крыму добывалась съ очень давнихъ поръ и вывозилась отсюда даже въ Малую Азію. Кромѣ вывоза соли, въ Крыму, —говоритъ проф. М. Грушевскій,—долженъ былъ происходить такой же обмѣнъ русскихъ продуктовъ на греческіе и вообще южные товары, какой лишь въ большемъ размѣрѣ велся въ Константинополѣ. Константинъ Багрянородный говоритъ, что въ крымскихъ городахъ сосредоточивалась греческая торговля со степными кочевниками, что

херсонесцы покупали у печенѣговъ шкуры и воскъ; шкуры, дѣйствительно, могли быть печенѣжскимъ товаромъ, но воскъ къ печенѣгамъ могъ попадать только изъ славянскихъ рукъ, такъ какъ печенѣги были дикіе кочевники и пчеловодствомъ врядъ ли могли заниматься. Во всякомъ случаѣ наличность цѣлыхъ трехъ сухопутныхъ путей на югъ, къ Крыму, и возникновеніе впослѣдствіе даже особаго русскаго города и княженія въ Крыму—Тмутараканскаго, настолько обширнаго и богатаго, что счастливый соперникъ Ярослава Мудраго, его братъ Мстиславъ, не захотѣлъ переѣхать изъ Тмутаракани въ Кіевъ, свидѣтельствуютъ о большомъ значеніи торговомъ, а впослѣдствіи и политическомъ, этихъ путей, ведшихъ отъ Кіева къ Тавриду.

Являясь такимъ образомъ центромъ и перекресткомъ сухопутныхъ и рѣчныхъ путей съ юга на сѣверъ и съ запада на востокъ, Кіевъ естественно сталъ центромъ, гдѣ особенно оживленно и интенсивно кипѣла торговая дѣятельность. Скоро, благодаря этому, Кіевъ обозначился и какъ политическій центръ страны, все богатство, вся хозяйственная жизнь которой такъ или иначе фиксировалась въ Кіевѣ. Всѣ торговые города, вытянувшіеся нитью по великому водному пути, находились въ экономической зависимости отъ Кіева. «Въ Кіевѣ сходились нити ихъ благосостоянія: онъ могъ подорвать ихъ торговлю, перерѣзавъ главную артерію хозяйственныхъ оборотовъ страны, не пропуская торговыхъ лодокъ внизъ по Днѣпру къ Азовскимъ и Черноморскимъ рынкамъ. Поэтому общимъ интересомъ этихъ городовъ было имѣть друзей въ Кіевѣ, чтобы изъ Кіева имѣть свободный выходъ на степныя торговыя дороги». (В. О. Ключевской, «Краткое пособіе по русской исторіи», стр. 27). Вотъ почему, когда стало подъ руководствомъ варяжскихъ князей складываться русское государство, Кіевъ естественно сдѣлался столицею новаго государства, властно державшаго въ зависимости отъ своихъ князей отдаленные края славянской стороны. Это значеніе Кіева, какъ центра государственной жизни, выросло изъ его значенія какъ центра народно-хозяйственной жизни, около трехъ вѣковъ къ Кіеву тянувшей и изъ Кіева только имѣвшей выходъ на широту и просторъ международнаго обмѣна.

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія, приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*“ и „*Дворъ удѣльнаго князя*“.

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*“ и „*Расколъ церкви*“. Картина 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ—взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великого, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всеросійсской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

картины, которыя очерчивають главнѣйшія изъ реформъ, даютъ изображеніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и указываютъ на пріемы реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.)

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризуемаго обыкновенно какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фаворитовъ при дворѣ, посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): *„Выходъ императрицы Екатерины II“*, *„Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ“*, *„Дворянское собраніе при Екатеринѣ II“*, *„Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.“*.

Картина (42) *„Вахтпарадъ императора Павла I“* характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), *„Декабристы“*, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46—*„Ученье рекрутъ въ Николаевское время“*.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ явившейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая *„Городъ Николаевскихъ временъ“*, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина *„Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ“* (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ, съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) *„Люди 40-хъ годовъ“*.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.